

12.8.99.

Маринина Александра

12 – 18 августа 1999 года **ОБЩАЯ ГАЗЕТА** № 32 (314)

10

Тайны и страсти Марининой

*Королева массового сознания
оказалась игрою случая*

Виктор ЕРОФЕЕВ

ЗНАКОМСТВО началось с путаницы имен, детских прозвищ, кликух, псевдонимов, что в данном случае свелось воедино. Марина Анатольевна Алексеева не только не Александра Маринина, но даже не Марина, а зовут ее с детства Машей. Маринина – дама-ширма, Марининой в живой природе нет, и понятно, почему, когда Маша читает статьи про Александру Маринину, ей кажется: это о ком-то другом. Точнее, о той, кого лютко презирают писатели, кем сбита с толку интеллигенция, кого обожает народ. Из скромности, но без ошибки, она называет свои книги не романами, а «произведениями», себя – не писательницей, а «автором».

Совершила ли Маринина преступление против культуры, играя на чужом для нее поле литературы без знания законов словесных игр? Перешла ли невидимую границу, невольно созданную Гутенбергом, вкладывая в мозг массового читателя свои случайно-приватные мысли? Запад привык к кирпичам криминальных бестселлеров, радикально отделивших понятие «книга» от «литературы», но Россия совсем недавно стала задаваться этими растерянными вопросами. Расследуя «дело Марининой», я пришел к выводу, что таких Марининых в России – пруд пруди, но именно эта соединила в себе трудолюбие, удачу, профессиональный опыт и стала неповторимой.

Успех Марининой, который ошеломил критиков и писателей с грошевыми гонорарами, покоится на четырех слонах. Мощный криминальный фон России делает ее детективы прививкой от смутного, всепроникающего страха. Их серийность прихватывает фанов мыльных опер. Подкупает мобильное пребывание читателя к изнанке узнаваемой, всамделишной жизни. Остальное – прокат остроумчего канона.

Страсть Марининой к литературе имеет «постыдную», по ее словам, подкладку. В детстве сочинила стихи об осени и щенках, в юности – любовные романы. Строгий папа-милиционер, как призрак фрейдизма, все время простоял на посту у нее над душой, отравив у дочери обидчивость, комплекс некрасивости, физических дефектов, о чем она сообщает с резкой откровенностью. Так, несуразно большие дымчатые очки объясняются не данью провинциальной моде, а очень слабым зрением: она скорее слышит, чем видит мир. Мечтая стать киноведом, она воплотилась вченного-криминалиста, звезду системного изучения убийц-насильников. Большинство клиентов она по-прежнему побабски жалеет, вали все на пьянство, над ворами смеется, зато не любит грабителей. Ее либеральная этика, согласно которой «каждый имеет право быть таким, каков он есть» и правомерны лишь вкусовые оценки «нравится – не нравится», похожа на самооправдание.

Она в нем нуждается, как всякий человек случая. Она и не думала писать детективы, уговорил коллега, и вместе, укрывшись под зонтиком «Маринина», за 19 дней они родили книгу. Затем стала писать одна, консультируясь с мужем, с опорой на сквозную фигуру женщины-сыщицы Анастасии Каменской.

Несмотря на грим и ретушь, в Каменской проглядывает автор, да она, собственно, и не скрывается. Никому не ведомая Маринина издала первую книгу в 1995 году, с тех пор вышло двадцать, огромными тиражами и с успехом, перевалившим за границы России. Феномен Марининой в том, что она, скорее, логическое следствие победно завершившегося «бунта масс», чем его организатор. В нее, как в воронку, стекло русское массовое сознание, и когда эта масса застыла, родилась гипсовая королева массового сознания. Но и сама королева оказалась не промах. Она нашла для себя роль «маленькой инженерии, защищающей автора от упреков. Узнав об ее участии в международной конференции «Женщина и литература» на Сицилии, я поинтересовалась, как она чувствовала себя, представляя литературу. Маринина сказала, что «ее душил хохот», она «не навязывалась».

Она и в самом деле «не навязывает»

, но, если пригласят в пятый раз, ее, пожалуй, уже не будет душить хохот.

В отношении большой культуры она выбрала трогательную позицию. Плачет на концертах классической музыки, разрыдалась в музее перед автопортретом Эль Греко. Она не может читать Достоевского, потому что горько плачет, жалея героев: «Достоевский – это то, что разрушает мою нервную систему». Но если нервы милицейского офицера Марининой выдержали поездки в исправительные лагеря для встреч с убийцами, а Достоевского выдержать не могут, то тут либо игра, либо новая ситуация в культуре. Скорее всего, и то, и другое. Читать Булгакова для нее – «работа, большой труд», она не справляется. Если над «Мастером и Маргаритой» хохочут целые поколения образованных читателей, не исключая отдельных милиционеров, то, видно, здесь и проходит водораздел. Набоков ее «раздражает», а на вопрос о любимых авторах она указывает на прозрачных массовому сознанию Александра Грина и Куприна.

Она и в самом деле «не навязывает»

, но, если пригласят в пятый раз, ее, пожалуй, уже не будет душить хохот.

В отношении большой культуры она выбрала трогательную позицию.

Плачет на концертах классической музыки, разрыдалась в музее перед автопортретом Эль Греко.

Она не может читать Достоевского,

потому что горько плачет, жалея героев:

«Достоевский – это то, что разрушает мою нервную систему».

Но если нервы милицейского офицера

Марининой выдержали поездки в исправи-

тельские лагеря для встреч с убийцами,

а Достоевского выдержать не могут, то тут

либо игра, либо новая ситуация в куль-

туре. Скорее всего, и то, и другое. Чит-

ать Булгакова для нее – «работа, боль-

шой труд», она не справляется. Если над

«Мастером и Маргаритой» хохочут це-

лые поколения образованных читателей,

не исключая отдельных милиционеров,

то, видно, здесь и проходит водоразде-

л. Набоков ее «раздражает», а на вопрос

о любимых авторах она указывает на

прозрачных массовому сознанию Александра Грина и Куприна.

Дело не в слезах и смеихе, а в установ-

очном преодолении «большой» литературы как «работы», вытеснении ее чти-

вом. Если раньше система запретов вы-

зывала ажиотажный спрос на литерату-

ру, то теперь Маринина объективно оказывается страшнее цензуры, отвлекая читателя на себя. Российский читатель до сих пор относился к книге всерьез, видя в ней либо инструмент пропаганды, либо вольницу духа. Как ни плоха была советская литература в целом, власть делала ставку на хороших писателей, и отказ в начале 30-х годов от пролетарской литературы был продиктован заботой об уровне. Халтуриками был забит Союз писателей, но «гамбургский счет» сохранился всегда. Сегодня, когда распалось единое поле культуры, нет силы, способной остановить Маринину. Вслед за музыкальной попсой, вытеснившей с телеэкрана музыку, явилась литературная. Культура прогнулась – все годится. Вместо Маргариты на метле читатель получает в подарок *мусор на совке*, милицийский роман на совковой подстилке. На вопрос, сознает ли она, что препятствует литературе, Маринина отвечает с твердой определенностью: «Кричать, что уважают мужа, если он разлюбил, – глупо».

Читатель нашел себе новую невесту.

В какой стилистике написаны ее книги?

Книги Марининой – случайное собра-

ние случайных слов, отчаянно стремя-
щееся оставаться в ладах с норматив-

ным синтаксисом. Она не пишет, а пересказывает на бумаге выдуманный ею сюжет. Любой детектив антагонистичен понятию «проза», поскольку изначально целесообразен. Но книги Марининой, если вспомнить новую французскую философию, – симулякр в чистом виде: имитация несуществующей идеи. Это высокая чистота жанра и как фено-
мен лихая вещь: игра на чужом поле.

Так, собственно, и назван один из

наиболее известных детективов Марининой.

Может ли сыщик искать контакт с мафией, играть с ней в одни ворота,

чтобы разоблачить преступление? В Рос-
сии, судя по жизни, он *должен*, раз ма-
фия сильнее милиции. Более того, гла-
варь местной мафии, толковый стари-
гурман в белом свитере, пекущийся об

интересах своего города не меньше, чем о своем желудке, изображен автором как

человек, необходимый для продолжения

государства российского. Чего не сказ-
ешь об интеллигенции. Это детектив о

ее преступлениях, по сути, подрыв дове-
рия к ней. В западной традиции герой-
сыщик, безусловный эталон благород-
ного поведения, защищает положитель-
ные ценности демократического обще-
ства, и как бы хорошо или плохо ни бы-
ла написана криминальная повесть, это

условие существования жанра. Марини-
на же насыщена непереваренными иде-
ями. Когда-то Осип Мандельштам называл плохих переводчиков отравителями общественных колодцев. Как назвать де-
тективщика, который, пользуясь слу-
чайными представлениями о добре и зле, въезжает в массовое сознание и за-
кладывает там мины?

Какие мины? Маринина походя (в

в разговоре и в книге) опровергает тезис

Пушкина, что гений и злодейство несов-

местны. Шайка преступников по заказу

сексуальных маньяков занимается про-

изводством садистских порнофильмов.

Каменская разоблачает бандитов: режи-

сером преступных фильмов оказывается

талантливый человек. Добывая деньги на

съемки «хороших» фильмов в условиях

бедствующей России, он хладнокровно

устраивает кровавые бани. Вывод: талант

– не алиби (массовое, антиинтеллигент-
ское сознание рукоплещет), и ради твор-
чества человека готов на все.

Кроме того, режиссер – лицо кавказ-

ской национальности, и, при нынеш-
них расприях, описывая его преступле-
ния, Маринина сладко целуется с мас-

совым сознанием, создавая *такой* образ

врага. Выпады против «восточных» лю-
дей одним режиссером не ограничива-
ются, и, когда я задал прямой вопрос, по

губам Марининой пробежала улыбочка:

это, сказала она, «случайность».

Второй «случайностью» стал главарь

садистской банды. Признаться, я вычис-
лил его еще в первой трети книги по не-

хитрому принципу: им должен быть са-
мый невинный, – и потерял к детективу

интерес, но встал вопрос о главной мибе.

Суперсадист обернулся милейшая

старушка, преподавательница музыки,

учительница многих знаменитостей, ев-
рейка Вальтер. Если бы Маринина писа-
ла в духе эпатажного юмора, я бы поздра-
вил ее с успехом и записал в «крутые»

концептуалисты, которым по барабану социальные ценности. Но не слишком в

своих книгах юморолюбивая Маринина с ее простосердечным пафосом правдо-
подобия решает объяснять еврейскую

коллизию психологически: при совет-
ской власти музыкантше не давали рабо-
тать по профессии, не пускали за грани-
цу (на концерт в Польшу), и она, когда

уже советская власть кончилась, начина-
ет мстить за напрасно прожитые годы.

Узрев в старушке, бесплатно обуча-
ющей одаренных детей, матерью пор-
нушницу и узнав мотивы ее деятельно-
сти, я решил, что Маринина либо сошла

с ума от *своего* инстинктивного проти-
востояния культуре, либо – запредель-
ная антисемитка.

На вопросы, как же еврейка стала главным врагом страны,

если анонимный город в книге призван

олицетворять Россию, моя собеседница

ответила, что еврейская тема тоже «слу-
чайна». И тут у меня в голове зазвучала

старая песенка: *За что же Ваньку-то Морозова?*

Ведь он ни в чем не виноват...

Конечно, проще всего признать, что

все эти темы и вправду «случайны». Тог-
да: да здравствует неудачная психология!